

Постепенно площадь для тренировок опустела. Лишь те немногие, кто вызвался сопровождать Лу Чэньюня, остались стоять на просторном плацу. Даос Цинъюнь согласно кивнул им:

— Ступайте за главой Лу и берегите себя. У вас есть два дня — подготовьтесь как следует.

Лу Чэньюнь окинул собравшихся цепким взглядом, после чего зычно крикнул:

— Чэнь Цзэюй! Му Хуайшу! А ну-ка спускайтесь, помогите мне с переписью!

Какая еще перепись? Они ведь не на сезонные работы нанимаются. Му Хуайшу лениво перевернулся на другой бок. В густой тени векового дерева царила благодатная прохлада, дремота уже окутывала его мягким покрывалом. Юноша решил попросту пропустить призыв мимо ушей.

Чэнь Цзэюй раздвинул листву и тут же натолкнулся на строгий взгляд наставника, устремленный прямо на него. Парень мысленно выругался — лучше бы он тоже прикинулся спящим, теперь уже не отвертишься. С другой стороны, подвернулся отличный случай поближе узнать будущих соратников. Тем более среди них, кажется, затесался прямой племянник Хуайшу.

Легко спрыгнув с ветки, Цзэюй приблизился к толпе и протянул руку шедшему впереди мужчине:

— Приветствую. Чэнь Цзэюй.

— Чжэн Тяньци, — отозвался тот. Он пристально оглядел собеседника. Молодой, но держится на удивление статно. Да и пахнет от него травами и притирками — видать, лекарь. — Мой шишу, Му Хуайшу, с вами?

— Уснул, — усмехнулся Цзэюй и кивнул на раскидистую крону соседнего дерева, сквозь листву которой угадывался недвижимый силуэт. — Хочешь пойти разбудить?

— Нет, не стоит, — с вежливой улыбкой отказался Тяньци, хотя в его глазах промелькнула тень разочарования.

Цзэюй бросил взгляд на Лу Чэньюня. Глава группы небрежно махнул рукой, предоставляя подопечному разбираться самому. Ожидавший подобного Цзэюй не стал спорить. Он отвел Тяньци в свободный флигель, чтобы зафиксировать способности прибывших. Всех их временно приписывали к Седьмой группе. На бумаге они получали те же права, доступ к информации и ресурсам, что и штатные сотрудники, хотя в нынешней неразберихе само существование Седьмой группы оставалось под большим вопросом.

— Наслышан о твоих талантах, — проговорил Цзэюй, перебирая бумаги. — Как насчет того,

чтобы возглавить отряд?

Тяньци почтительно сложил ладони в приветственном жесте:

— Если следовать правилам старшинства, то место командира первого отряда Циньчэна по праву принадлежит моему шишу, Му Хуайшу.

Стоило Тяньци произнести это, как за его спиной послышался приглушенный ропот. Обернувшись, он примиряюще опустил ладони, призывая соратников к порядку.

— Сдался мне ваш отряд, — раздался от двери холодный, насмешливый голос. — Или не боитесь, что я вас всех в могилу сведу своим проклятием?

Му Хуайшу стоял у косяка, цинично усмехнувшись. Его соученики, впервые увидевшие молодого шишу воочию, дружно затаили дыхание. До них и раньше доходили слухи, что глаза у Хуайшу черны как бездна, а необычайная, колдовская красота кажется почти пугающей, но реальность превзошла все ожидания.

— Цзэюй, ты скоро закончишь? — Му Хуайшу явно не горел желанием общаться со своей новообретенной «родней». На самом деле он просто пришел позвать приятеля на обед.

— Постойте, шишу Хуайшу, — шагнул вперед Чжэн Тяньци.

Му Хуайшу ожёг его ледяным взглядом:

— Я разве ухожу?

Тяньци неловко опустил руки, так и не успев завершить поклон:

— Шишу, мы ведь братья по ордену Циньчэн...

— Брось, в какие времена мы живем, чтобы мериться былыми заслугами и рангами? — Хуайшу усмехнулся, сделав пару шагов навстречу племяннику и заглядывая ему прямо в глаза. — Твоя схема проста: слава и почести достанутся тебе, а чуть что пойдет не так — все шишки полетят в меня. Заманчивое предложение, да только я на такое не подписывался.

В глазах Тяньци промелькнуло мимолетное замешательство:

— Шишу, вы излишне подозрительны.

— Да ладно тебе, не притворяйся. Твои люди все равно не посмеют подслушивать — авторитет

мешает, верно? — Хуайшу хитро прищурился, склонившись к самому уху Тяньци, будто доверял ему великую тайну. — Я прожил в этом храме двадцать лет. Даже если вычесть первые пять лет беспамятного детства, мой стаж побольше твоего будет.

Договаривать он не стал — побоялся сболтнуть лишнего и выдать собственную неосведомленность в деталях. Не устрой Тяньци этот глупый спектакль с уступкой лидерства, Хуайшу и не подумал бы связывать концы с концами. Конкретных фактов он не помнил, но то, что в свое время первый старший брат, уходя на мирские испытания, оставил своего любимого ученика Тяньци подле настоятеля, теперь обретало вполне очевидный смысл.

— Раз уж шишу так категоричен, я не смею настаивать, — Тяньци отступил на пару шагов, сиюсь сохранить лицо. Он перевел взгляд на молча наблюдающего за сценой Чэнь Цзэю, затем снова на Хуайшу, натянуто улыбнулся и вернулся к своим соученикам. Вопрос с командиром отряда решился сам собой.

Убедившись, что инцидент исчерпан, Хуайшу повернулся к Цзэю:

— Ну так что, долго мне еще ждать?

— Уже закончил, — улыбнулся Цзэюй. Он прекрасно понял маневр Тяньци — тот напоследок попытался выставить Хуайшу заносчивым эгоистом перед всей толпой. Парень явно был не глуп и умел вести тонкую игру, вот только цели выбирал не те.

В монастырской трапезной теперь подавали исключительно постные блюда. Из-за разразившейся катастрофы никто не мог поручиться за чистоту мяса — дикие звери мутировали один за другим. Впрочем, и самих едоков поубавилось: большинство послушников-мирян спешно покинули гору сразу после начала метеоритного дождя.

— Местный повар учился у прежнего настоятеля, — рассказывал Хуайшу, отправляя в рот сочный вегетарианский баоцзы. — Он избрал кулинарию своим духовным путем. Путь, конечно, экстравагантный, но готовит старик божественно. Второго такого мастера днем с огнем не сыщешь.

После стольких дней скитаний по разоренному миру эта простая пища казалась амброзией. Хуайшу блаженно прикрыл глаза, смакуя тонкий, богатый вкус, раскрывающийся на языке.

— Ешьте, ешьте, скоро и такой простой стряпни не увидите, — раздался добродушный голос.

Из кухни вышел пожилой повар. На удивление, от него совсем не пахло гарью или жиром. Му Хуайшу и Чэнь Цзэюй сидели в его личной камерке — небольшая привилегия, устроенная даосом Циньюнем для своего любимого ученика.

— Пока жив наш шишуцзу, нам голод не грозит, — улыбнулся Хуайшу, проглотив очередной

кусочек. На душе у него потеплело. Обладая телом Одиноким звезды небесной погибели — по сути, разновидностью чистой энергии Ша, пусть и зловещей, — он подсознательно тянулся к безупречно чистой, лишенной скверны пище.

— Даже лучшая хозяйка не сварит кашу без крупы, — вздохнул старик, похлопав по пустоватому деревянному ларю для риса. — Монастырских запасов хватит от силы месяца на три. Если к тому времени ничего не придумаем, придется зубы на полку класть.

— Разве на полях ничего не посадили? — спросил Хуайшу с набитым ртом.

— Посадить-то посадили. Да только фермы у подножия горы, что снабжали нас провизией, выжжены метеоритным дождем. Почти весь урожай погиб. А взойдет ли то, что засеяли заново, — один бог знает.

Старик видел ситуацию насквозь, но сделать ничего не мог. Никто не знал, затронет ли неведомая зараза, косившая людей и скот, обычные посевы. Хуайшу на мгновение задумался, пытаясь отыскать ответы в прочитанных когда-то древних трактатах, но в его памяти ничего подходящего не всплывало.

— Вырастут, — уверенно произнес Чэнь Цзэюй. Он многозначительно переглянулся со старым поваром и заговорщически улыбнулся: — Земля на территории храма осталась чистой. Если возьмемся за дело сообща, вполне сможем прокормить себя сами.

— Ишь ты, сообразительный малый! — хохотнул повар.

Заметив, как забавно надулся Му Хуайшу, поняв, что его слегка обвели вокруг пальца, старик рассмеялся еще громче. В этом уединенном храме лишь немногие не шарахались от Хуайшу как от чумного: его наставник Цинъюнь, ушедший в мир второй старший брат Сюаньлин да этот ворчливый повар-шишущу. Почувствовав себя в безопасности, юноша наконец сбросил маску холодного высокомерия, явив свою настоящую, немного детскую натуру, что вызвало искренний смех у обоих собеседников.

Осознав, что его попросту разыграли, Хуайшу сердито вонзил зубы в баоцзы и уткнулся в тарелку, стараясь не глядеть на прячущих улыбки мужчин. Обед растянулся почти на час. Ели они немного, но с такой неторопливой степенностью, словно соревновались, кто дольше прожует каждый кусочек.

Покинуть трапезную пришлось быстро — Хуайшу повел Цзэюя в алхимическую комнату. Метод холодного прессования пилуль не требовал растопки печи, но заключительную очистку и закалку лекарств следовало проводить именно здесь. Стоило им переступить порог, как в воздухе разлился густой, сладковатый аромат травяных эссенций, веками впитывавшийся в эти стены. Перед такой благодатной атмосферой не могли устоять ни носитель энергии Ша, ни Фармацевтический человек — обоих мгновенно окутало чувство глубокого покоя.

— Сначала я подготовлю травы, а ты пока настраивайся на кровопускание, — в голосе Хуайшу прозвучал такой неприкрытый азарт, что Цзэюй невольно поежился, почувствовав себя дичью в капкане охотника.

Некоторые свежесобранные травы не годились для немедленного использования — их требовалось обезвожить. Хуайшу приоткрыл тяжелую крышку алхимической печи и разложил сырье на решетках, используя остаточное тепло затухающих углей. Подобный экспресс-метод шел вразрез с канонами и частично снижал целебную силу растений, но это все равно было лучше, чем работать с сочной зеленью.

Цзэюй с недоумением наблюдал за тем, как ловко, но при этом вопиюще грубо Хуайшу потрошит редкие ингредиенты. Как при таком варварском подходе у него вообще получалось создавать чудодейственные снадобья?

Хуайшу тщательно удалил сухие стебли и увядшие листья, оставив лишь те части растений, в которых концентрация соков была максимальной. Растер в ступке, смешал и принялся вываривать густую, тягучую эмульсию в глиняном горшке. Когда снадобье дошло до нужной кондиции, юноша молча протянул руку. Цзэюй тут же вложил в его ладонь нефритовый флакон.

Воздух наполнился густым металлическим ароматом, едва алая кровь Фармацевтического человека струйкой пролилась в кипящую массу. Снадобье мгновенно изменило цвет, обретя благородный перламутровый блеск.

Убрав огонь, Хуайшу призвал энергию Ша — его ладони окутало плотное облако черного тумана. Он вычерпнул горячую основу прямо руками и принялся стремительно перекачивать ее между пальцами. Идеально ровные круглые пилюли посыпались на стол. Под воздействием разрушительного яда Ша все шлаки и примеси в лекарстве мгновенно выгорали, осыпаясь на деревянную столешницу мелкой черной сажей.

Метод Хуайшу нельзя было назвать классическим или изящным. Его сила заключалась в безупречном контроле над разрушительным началом Одиноким звезды небесной гибели. Рожденный с этой смертоносной аурой, он за пятнадцать лет научился управлять ею так же легко, как собственными пальцами или мыслями.

Удивительно, но из угольно-черной жижи рождались безупречно белые, точно жемчуг, пилюли. Резкий травяной запах улетучился, сменившись тонким, едва уловимым благоуханием, струящимся вокруг готовых лекарств. Цзэюй только качал головой от изумления, глядя на это алхимическое чудо.

Легким дуновением внутренней силы Хуайшу сдул скопившуюся сажу. На чистом дереве осталось лежать ровно двадцать жемчужин.

— Твоя кровь творит чудеса, — не без труда проговорил Хуайшу. Его губы побелели от усталости, но он смотрел с лихорадочным блеском в глазах. — Никакие настойки не сравнятся

с чистой жизненной силой Фармацевтического человека.

— Переведи дух, — Цзэюй пододвинул поближе плетеный соломенный пуфик и уселся на него, скрестив ноги. Он видел, что дыхание друга сбилось. Энергия Ша коварна и капризна: стоит духу хозяина хоть немного ослабнуть, как она тут же пытается вырваться из-под контроля. А Хуайшу в последние дни тратил слишком много сил, пренебрегая восстановительной медитацией.

— Ладно, — Хуайшу аккуратно ссыпал жемчужины во флакон и опустил на колени напротив Цзэюя.

В алхимической комнате, пропитанной силой вековых трав, сама атмосфера способствовала сосредоточению. Спустя пару вдохов оба юноши погрузились в глубокий транс.

К тому времени, как солнце коснулось вершин западных гор, они один за другим вернулись в реальность. Хуайшу открыл глаза, окинул взглядом комнату и с облегчением выдохнул:

— Слава богам, старик не лишился своей драгоценной алхимической комнаты.

— Ну, пока я рядом, разгромить монастырь я тебе точно не позволю, — рассмеялся Цзэюй. Однако, едва эти слова слетели с его губ, он осекся. Повисла секундная неловкость. Заметив, что Хуайшу остался абсолютно невозмутим, Цзэюй в глубине души почему-то почувствовал легкое разочарование.

У дверей раздались торопливые шаги. Цзэюй поднялся и отворил засов. На пороге стоял Цзян Цинь, по своему обыкновению не выпускавший из рук раскрытый ноутбук.

— Глава Лу просил вас зайти. Пришли срочные новости.

— Сейчас будем, — кивнул Цзэюй.

Хуайшу даже не повернул головы на этот короткий диалог. Он все еще безуспешно пытался разгадать скрытый смысл брошенной Цзэюем фразы. Так ничего и не поняв, он поднялся на ноги, собираясь отнести готовое лекарство наставнику.

— Хуайшу, очнись, — Цзэюй с улыбкой покачал головой, глядя на его задумчивое лицо. — В сети пишут, что твой учитель и настоятель сейчас вместе.

— Понял, — безучастно отозвался Хуайшу, даже не сменив интонации.

Цзэюй лишь усмехнулся его вечной отстраненности.

По дороге к покоям главы Лу Хуайшу задумчиво спросил:

— Разве Сеть еще работает? Кто-то поддерживает работу серверов в таком хаосе?

— Сложно сказать, — пожал плечами Цзэюй. — После катастрофы связь барахлила пару дней, но потом все наладилось. Большинство процессов там давно автоматизировано, вмешательство человека требуется минимальное — так, присмотреть за датчиками. Вопрос лишь в том, на сколько хватит аварийного питания.

Сам он покинул город почти сразу после метеоритного удара, так что о реальном положении дел в мегаполисах мог только догадываться.

Они вошли во флигель главы Лу. Лу Чэньюнь, насупившись, изучал мерцающий экран ноутбука. Старый даос Цинъюнь сидел неподалеку, неторопливо перелистывая пожелтевшие страницы монастырских амбарных книг. Рядом устроился Цзян Цинь, у которого, как выяснилось, имелось еще одно портативное устройство.

— Что там пишут? — спросил Хуайшу.

Лу Чэньюнь молча развернул экран к вошедшим:

— Официальное обращение ко всем выжившим.

Суть заявления сводилась к следующему: ученые подтвердили, что внеземное вещество, занесенное метеоритами, вызывает у людей необратимые мутации. Властные структуры призывали граждан сохранять спокойствие, избегать контактов с теми, у кого наблюдается жар, и обещали, что уполномоченные органы на местах займутся изоляцией и эвакуацией зараженных.

Однако куда больше внимания привлекал прикрепленный внизу секретный протокол, доступный лишь высшим чинам спецслужб. Ярко-красный шрифт заголовка так и кричал о смертельной угрозе. В документе содержались подробные результаты исследования метеоритного излучения и первые отчеты о патологических изменениях в тканях погибших. Выходило, что пока остальное человечество пребывало в неведении, военные лаборатории уже вовсю препарировали тех, кому не повезло оказаться в эпицентре падения осколков.

Выводы исследователей были беспощадны: внеземное излучение запускает в организме абсолютно хаотичный и необратимый процесс перестройки ДНК. Подавить или уничтожить этот вирус медицинскими средствами невозможно.

В самом конце документа, под грифом строжайшей секретности, стояло короткое и ясное предупреждение: человечество вступило в эпоху окончательной гибели цивилизации. Конец прежнего мира настал.

<http://bllate.org/book/19035/1917773>